

*В защиту
культурного
наследия*

А.В. Стеценко, В.В. Фролов

«Какая вредительская чепуха!»

Ю. Линник и В. Росов против Н.К. Рериха

...Какие-то индивидуумы упрекают друзей наших в том, что они будто бы считают меня богом, желая этим как бы задеть и друзей и меня. Какая вредительская чепуха! <...> Предположим, что это злоба невежества. Но не забудем, что именно столкновение света и тьмы создает строительство, к которому ничто не может воспрепятствовать устремляться тем, сознание которых зовет их к неотложным заданиям Культуры. Будем всегда основываться на фактах, на действительности, которых так боится тьма, но которые для нас всегда и во всем будут единственной основой.

Н.К. Рерих. Наскоки

Напрасно Юрий Владимирович Линник не прислушался к мудрым словам Павла Федоровича Беликова, который, беседуя с ним, предостерегал: «Юра, политика – грязное дело»¹. Возражая ему, Линник сказал: «Политика может быть поэзией»². Возможно, политика в далеком будущем и будет одухотворенной, как настоящая поэзия, но тогда она уже перестанет быть политикой в том смысле, как мы сегодня ее понимаем. В современном

¹ Линник Ю.В. Вокруг Росова. СПб.: Алетейя; Петрозаводск; Центр по изучению духовной культуры ГУЛАГа, 2009. С. 48.

² Там же.

обществе политика далека от культуры и тем более от поэзии. Борьба современной цивилизации против культуры, в том числе с помощью политических средств, возникла не вчера и завершится не завтра. О какой же поэзии в современной политике может идти речь? Оказывается, может, когда на орбите общественной жизни появляются те, кто готов поэтизировать ложь и петь ей дифирамбы.

В мае 2009 года вышла брошюра Ю.В. Линника «Вокруг Росова», в которой собраны его статьи и письма в защиту докторской диссертации В.А. Росова «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)». В этой диссертации в результате «исследований» Росова известные представления о жизни и творчестве выдающегося культурного деятеля Николая Константиновича Рериха настолько искажаются, что он превращается в неудачливого авантюрного политика, посвятившего практически всю жизнь и, в частности, Центрально-Азиатскую и Маньчжурскую экспедиции созданию «монголо-сибирского» государства в Центральной Азии. Пытаясь обосновать эти измышления, Росов апеллирует к американским архивам, где ему будто бы удалось отыскать новые, доселе никому не известные факты, подтверждающие его версию. Вся научная, философская, культурная, общественная и даже художественная работа Мастера в диссертации рассматривается прежде всего как средство решения указанной задачи, и все результаты многогранной деятельности Николая Константиновича автор диссертации превращает в строительные леса сконструированного им измышления о Рерихе как политическом деятеле. Как бы ни пытался Линник убедить нас в том, что Росов лишь дополнил известные представления о Рерихе, показав, наряду с научно-культурными аспектами творчества, геополитическую сторону его деятельности, — именно политическая составляющая доминирует в указанной диссертации. Основные выводы Росова состоят в следующем: Н.К. Рерих занимался созданием в Центральной Азии «монголо-сибирского» государства за счет территорий суверенных государств; он стремился сформировать армию, разрабатывал свой тайный план на дальневосточном театре военных действий и с этой целью сотрудничал с Японией. В диссертации Росова содержатся и другие моменты, фальсифицирующие деятельность Н.К. Рериха, но именно эти «открытия» Росова

являются основными аргументами, с помощью которых он пытается «поменять акценты» и представить его научные экспедиции совсем в другом — политическом — свете³.

Международный Центр-Музей Рерихов неоднократно доказывал несостоятельность этих выводов диссертации Росова. Напомним основную позицию МЦР в этом вопросе. Она содержит положения, прямо противоположные тому, на чем настаивают Росов и поддержавший его Линник:

— Н.К. Рерих никогда не планировал и не принимал практических действий, направленных на создание в Центральной Азии независимого государства за счет территорий суверенных государств (СССР, Монголии, Китая и Тибета);

— он не стремился создать армию, не имел плана религиозной войны, не планировал и не готовился к ведению войны на Дальнем Востоке;

— Н.К. Рерих не входил ни в какие соглашения с Японией с целью осуществления планов по созданию независимого государства.

На протяжении нескольких лет МЦР открыто выдвигал свои критические аргументы, выступая против утверждения ВАК РФ диссертации Росова. Но мы так и не услышали ни от официальных оппонентов диссертанта, в том числе от академика В.С. Мясникова и доктора философских наук Ю.В. Линника, ни от его научного консультанта академика Б.В. Ананьича, ни от ВАК, ни от членов РАН, ставших на защиту диссертации Росова, ни одного аргумента, который мог бы опровергнуть позицию МЦР и подтвердить выводы Росова, ради которых диссертация была написана.

Если бы аргументы МЦР были ошибочными или неубедительными, что пытается доказать Линник, то едва ли процесс рассмотрения диссертации Росова в ВАК растянулся бы на несколько лет. Один из авторов этой статьи, А.В. Стеценко, был свидетелем того, как заместитель председателя ВАК А.Г. Грязнова и руководитель специальной комиссии ВАК академик В.И. Жуков, когда им были представлены доказательства клеветы на Н.К. Рериха в диссертации Росова, были возмущены фактом ее защиты в Санкт-Петербургском университете. Их первоначальное желание исправить ошибку, возможно, было искренним. Но это желание было побеждено стремлением спасти честь мундира уважаемых академиков Б.В. Ананьича и В.С. Мясникова, которые на защите поддержали Росова, по существу не являясь специалистами

³ Росов В.А. Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2005. С. 117–118.

ми по теме его диссертации. Долго в ВАКе решали, чью сторону принять, МЦР или Росова. Не случайно его диссертация пролежала без какого-либо решения более полугода в возглавляемом в то время академиком А.О. Чубарьяном экспертном совете ВАК по историческим наукам, и не случайно выводы экспертного заключения Института истории РАН изъяты Высшей аттестационной комиссией из материалов дела диссертации.

Судя по всему, честь мундира предпочли здравому смыслу и на заседании бюро Отделения историко-филологических наук РАН 17 октября 2007 года, где рассматривался вопрос о диссертации Росова. Уважаемые ученые единодушно высказали мнение, что Николай Рерих не занимался политикой, не стремился создать в Центральной Азии государство и не пытался использовать военную мощь Японии в борьбе против Советской России (что полностью противоречило основным положениям диссертации Росова), но при тайном голосовании отдали свои голоса в поддержку диссертации. И это несмотря на то, что Росов не смог подтвердить фактами из диссертации истинность своих выводов в ответ на критику, с которой выступили представители МЦР и академик Е.П. Челышев. Хотя вопросы были четкие и однозначные: Росова просили привести доказательства того, что Н.К. Рерих собирался создать «монголо-сибирское» государство, сотрудничал с империалистической Японией против СССР и планировал вместе с Ю.Н. Рерихом военные действия на Дальнем Востоке.

Линник, присутствовавший на этом заседании, приложил немало усилий, чтобы отстоять право Росова на его интерпретацию личности и деятельности Н.К. Рериха (практически никак не связанную с интересными документами и фактами, поднятыми им из разнообразных архивов). А за год до этого, 8 сентября 2006 года, он передал А.В. Стеценко материал «Дополнительно о диссертации В.А. Росова “Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-годы)”» где написал: «Глубокая, абсолютно адекватная оценка экспедиций Н.К. Рериха дана в трудах Л.В. Шапошниковой. <...> МЦР представляет весьма обоснованную точку зрения, высказывает мнения, к которым надо прислушаться». Однако на заседании в РАН он почему-то забыл о своей положительной оценке позиции МЦР в этом вопросе и предпринял грубые выпады в адрес президента

МЦР Ю.М. Воронцова и МЦР, которые не имеют ничего общего с научной дискуссией. То, что сказал Линник на этом заседании, опубликовано⁴, и мы не будем этого повторять. Приведем свидетельство Людмилы Васильевны Шапошниковой, участвовавшей в этой «дискуссии». «Все, – пишет она, – закончилось заседанием бюро Отделения историко-филологических наук РАН, которое возглавлял академик А.П. Деревянко. От решения этого заседания теперь зависела судьба докторской диссертации. Заседание проходило в помещении Президиума академии, которое почему-то называлось ротондой. Выступающим дали по 5 минут – время, достаточное для защиты мундира, но не для научной дискуссии. На этом “эшафоте”, так назвал Юлий Михайлович это заседание, мы сидели с ним рядом. Выступая, он говорил о том ущербе, который наносит диссертация Росова российским международным отношениям. Он говорил спокойно, убедительно и очень интересно. Академики выступали по-разному, некоторые из выступлений были просто недостойными. Но большинство склонилось к защите Н.К. Рериха. В конце заседания состоялось тайное голосование. Результат его потряс нас, особенно Юлия Михайловича. Все, кроме одного, академика Е.П. Челышева, проголосовали за присвоение В.А. Росову степени доктора исторических наук. Я посмотрела на Воронцова, он стоял в зале растерянный и, я бы сказала, как бы униженный.

– Я сейчас с вами поеду в МЦР, и мы все обсудим. – Потом, помолчав, добавил с горечью и волнением: – Как же так? Это же Российская академия наук. Как же так? Они академики, цвет нашей науки»⁵.

Юлий Михайлович был так потрясен происшедшим, что на следующий день почувствовал себя плохо, а через некоторое время (после командировки в Кувейт, ибо на первом месте у него всегда было дело) его не стало... Ю.М. Воронцов отдал очень много сил защите высокого имени Н.К. Рериха в истории с диссертацией Росова. Протестуя против его клеветнических выводов, он писал возмущенные письма в ВАК, выражал свое несогласие в прессе, неоднократно встречался с председателем ВАК академиком М.П. Кирпичниковым, убеждая его в несостоятельности росовских интерпретаций деятельности Рериха и в том, что эту диссертацию ни в коем случае утверждать нельзя.

В книге «Вокруг Росова» Линник практически повторил все сказанное им на том самом

⁴ Российской науке нужен правдивый образ Рериха // Независимая газета. 2007. 14 ноября.

⁵ Шапошникова Л.В. Он был с нами // Культура и время. 2008. №4 (30). С. 242.

заседании и опубликовал свои письма к президенту МЦР Ю.М. Воронцову, обвиняя его в том, что он использовал в научной полемике «сомнительные приемы советской дипломатии» и устаревшие методы холодной войны. Что тут сказать? Юлий Михайлович Воронцов – один из культурнейших и образованнейших людей своего времени. Чрезвычайный и Полномочный Посол России, специальный представитель Генерального секретаря ООН по странам СНГ, человек высочайшего профессионального уровня, от дипломатических усилий которого не однажды зависели судьбы мира, не мог высказать неадекватную оценку международного значения выводов росовской диссертации о Рерихе. Конечно, диссертация – не правительственный документ, немедленно вызывающий международный резонанс, но именно на таких текстах строятся порой прогнозы и аналитические записки, которые потом могут лечь в основу политических решений. И Ю.М. Воронцов не мог не учитывать этот контекст.

Обозвав (другое слово здесь трудно подобрать) уважаемого дипломата «рыцарем холодной войны»⁶, Линник тут же лицемерно заявляет: «...под обаянием личности Ю.М. Воронцова 18 октября я попросил своих друзей снять в Интернете мои критические реплики. Публикую их в своем альманахе только для истории». И примеров такой «амбивалентности» в его книге масса – он неоднократно признается в пылкой любви и уважении к Л.В. Шапошниковой, говорит выпендренные слова о возглавляемом ею Международном Центре-Музее имени Н.К. Рериха, хвалит издания МЦР – и тут же, на соседних страницах, обвиняет МЦР в миссионерских амбициях, а его руководителя – в тоталитаризме.

Его двуличие (как он ни старается завуалировать его маской толерантности и всепонимания, вживания в любую позицию своих оппонентов) проявилось не сегодня. В 2005 году Линник пишет положительный отзыв на диссертацию Росова, в 2006-м он соглашается с точкой зрения МЦР и дает ему карт-бланш в использовании своего письма, где была высказана эта позиция. Но почти сразу же после публикации этого письма он пытается от него откеститься – мол, напечатали не в той компании и в виде постскриптума. В 2007 году он становится одним из основных защитников позиции Росова.

Отношение к выводам Росова о Рерихе раскрывает отношение Линника к самому Рериху. К великому сожалению, оно также меняется: в одном случае Линник говорит о Николае Константиновиче: «...это великий деятель культуры – духовный, но ни в коем случае не политический вождь»⁷. А через некоторое время поддерживает измышления Росова прямо противоположного характера.

Определяя диссертацию Росова как источниковедческий труд, Линник обвиняет МЦР, выступивший против нее, в попытке сокрытия исторической правды: «Докторская диссертация В.А. Росова строится на неоспоримых фактах. Они могут ошеломлять – эпатировать – раздражать. Что же делать? Конечно, можно попытаться их скрыть, но это несовместимо с научной этикой. *Фактофобия* – вот болезнь, которой страдает МЦР. Он пытается бороться с исторической правдой, но провал в подобных случаях предопределен заранее»⁸.

Однако многочисленные архивные источники, привлеченные Росовым, которые члены бюро Отделения историко-филологических наук РАН оценили как его вклад в историческую науку, составляют лишь исторический фон некоторых событий жизни Н.К. Рериха и не служат подтверждением выводов диссертанта. По-видимому, из-за явной научной несостоятельности этих выводов из официальных оппонентов Росова после его защиты к этой теме не возвращался никто, кроме Линника. Может быть, причина такой активной «защитнической деятельности» Линника в том, что он лучше, нежели его коллеги, разбирается в тех проблемах, которым была посвящена диссертация? Но в нескольких отзывах на книгу Росова «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» и его диссертацию Линник практически не затрагивает существенных вопросов – все его панегирики носят довольно расплывчатый характер. Некоторые позиции росовских интерпретаций он транслирует, но не более того.

«Н.К. Рерих проповедовал “революционный панмонголизм”»⁹, – пишет Линник со ссылкой на книгу Росова. И далее рассуждает, оттолкнувшись от известных поэтических строк Владимира Соловьева, об идеологии всеединства в мировой культуре, тут же забыв о Н.К. Рерихе. Ни слова не приводится в доказательство того, что панмонголизм, тем более революци-

⁶ Линник Ю.В. Вокруг Росова. С. 80.

⁷ Линник Ю.В. Письмо от 8 сентября 2006 года «Дополнительно о диссертации В.А. Росова “Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)”».

⁸ Линник Ю.В. Вокруг Росова. С. 11.

⁹ Там же. С. 17.

онный, был темой «проповедей» Н.К. Рериха, потому что этих доказательств нет и не может быть: Николай Константинович всегда утверждал приоритет культуры в общественной жизни, много раз выступал с высоких трибун, но никогда не проповедовал. «Предвидится союз народов Азии, и объединение племен и народов будет происходить *постепенно (выделено нами. – Авт.)*, там будет своя *Федерация стран (выделено нами. – Авт.)*. Монголия, Китай и Калмыки составят противовес Японии, и в этом объединении народов нужна Ваша Добрая Воля, г-н Президент»¹⁰, – писала Е.И. Рерих президенту США Франклину Рузвельту. Чаение Рерихами объединения Востока, которое прослеживается по документам, вошедшим в книгу Росова, и идеология панмонголизма, уже в тридцатые годы выродившегося в политическое течение, – далеко не одно и то же. Тем не менее Линник, не задумываясь, повторяет изобретенное Росовым клише. Неразборчивый в средствах аргументации, Линник сообщает «особое» мнение «советских кругов» о Рерихе: «Полубуддист-полукоммунист – эта характеристика прочно закрепилась за Н.К. Рерихом в советских кругах»¹¹. Мнение советских кругов хорошо известно, оно выражено руководителями Советской республики, организовавшими слежку за Рерихом в Центрально-Азиатской экспедиции, а также Сталиным, наложившим на прошение Н.К. Рериха о возвращении в Россию резолюцию: «Не отвечать». Далее Линник пишет: «Возможно, это самый выдающийся результат интуиции Рерихов: выявление глубинного сходства между учениями Гаутамы и Маркса»¹². «Источниковедческое» содержание диссертации Росова он щедро дополняет собственными историческими умозаключениями, призывая нас «не смотреть на будущее сквозь розовые очки». Цель книги «Вокруг Росова» – доказать, что автор диссертации не только адекватно интерпретирует прошлое, но и предвидит будущее, вычленив самые актуальные мировые проблемы.

Но это не главная цель книги Линника. Сверхзадача этого сборника – поставить точку в отношениях с МЦР и объяснить миру «трагедию» Международного Центра-Музея имени Н.К. Рериха и лично Л.В. Шапошниковой.

Делая акцент на идеологических моментах, Линник обвиняет МЦР в том, что Центр создал «канонический образ» Рериха и жестко выступает против всех, кто пытается этот образ раз-

рушить. На самом деле МЦР никогда не создавал какого-то особого, «канонического образа» Н.К. Рериха, так как Центру это было не нужно. Постараемся объяснить, почему. Основные вехи жизни, творческое кредо Николая Константиновича Рериха отражены в его трудах. Надо только правдиво, с позиций нового мышления рассказывать о том, что сделал Рерих на ниве науки, культуры и на общественном поприще. Над решением этой задачи неустанно трудятся почти двадцать лет Л.В. Шапошникова и другие ученые. В МЦР хранится значительная часть наследия семьи Рерихов. Результаты работы МЦР по его научному осмыслению хорошо известны. Они ежегодно докладываются на международных научно-общественных конференциях, организуемых МЦР вместе с другими авторитетными научными организациями. По итогам конференций выходят сборники докладов. На сайте МЦР периодически появляется информация о научно-исследовательских результатах его деятельности.

Творчество Н.К. Рериха все более широко осмысливается исследователями ряда государственных университетов России и других стран. Идеи выдающегося мыслителя исследуются молодыми учеными, успешно защищающими на этой основе диссертации. Но все это делают не только ученые в МЦР. Наследие Рериха находится в разных странах, где оно также изучается всеми, кто заинтересован в осмыслении жизни и творчества нашего великого соотечественника. Словом, у мирового культурного сообщества давно сложился соответствующий исторической правде образ Николая Константиновича Рериха – выдающегося ученого и философа, художника и путешественника, культурного и общественного деятеля, основу творчества которого составляет Культура как один из столпов космической эволюции. Фактических данных и научных подтверждений в пользу такого представления о Рерихе становится все больше, и Линник легко мог бы в этом убедиться, если бы захотел.

Но он этого не хочет и всю историю с диссертацией Росова выстраивает как подтверждение тоталитарной практики МЦР. На наших глазах происходит инверсия ценностей. По мнению Линника, поддержка диссертации Росова рядом ученых советов, утверждение ее ВАКом и тем самым признание на государственном уровне клеветнических измышлений Росова о Н.К. Рерихе – это нормальное явление в современной

¹⁰ Рерих Е.И. Письма. Т. III. М.: МЦР, 2001. С. 63.

¹¹ Линник Ю.В. Вокруг Росова. С. 18.

¹² Там же. С. 19.

исторической науке (мы уже не говорим о разнужданной кампании нападок на МЦР в интернет-пространстве). Действия же МЦР и сотрудничающих с ним исследователей, направленные на отстаивание исторически правдивого образа Н.К. Рериха, – это «травля» талантливого ученого и попытка «отбросить нас во времена палеолита»¹³. Упорно пытаюсь разглядеть в действиях сотрудников МЦР признаки тоталитаризма, он заявляет, что «деятельность МЦР приняла откровенно деструктивный характер»¹⁴, что МЦР из-за его монополии на Рериха давно превратился в антинаучную¹⁵, сектантскую, реакционную и антидемократическую организацию¹⁶. Отдельно надо упомянуть оскорбительную, в духе советских карикатур, картинку, которой автор книги иллюстрирует свое отношение к Л.В. Шапошниковой, где она изображена как человек, заперший Рерихов за высокий забор.

Нужно ли объяснять, что отстаивание истинного знания о Рерихе вполне вписывается в демократический процесс развития науки. Напомним, что от имени МЦР в ВАК еще на начальном этапе прохождения диссертации Росова был передан аргументированный отзыв об этой квалификационной работе, в котором была показана надуманность его выводов о Рерихе. Ряд известных ученых с мировым именем также присоединились к содержащейся в этом отзыве точке зрения. Среди них известный монгольский ученый Шагдар Бира – президент Монгольского общества Рерихов, академик Монгольской академии наук; индийский профессор Локеш Чандра; болгарский востоковед, доктор филологических наук, профессор А.В. Федотов; академик РАН Е.М. Примаков; академик РАН Е.П. Челышев и др. Возражая сразу всем этим уважаемым людям, Линник пишет о необходимости «комплексного подхода» к Рериху. Нельзя, говорит он, показывать Рериха лишь как культурного деятеля, нужно расширять представления о нем. Но «комплексный подход» подразумевает рассмотрение исторического явления или исторической личности во всей целостности, чего как раз и не было сделано. Защищая Росова, Линник утверждает, что оппоненты напрасно вменяют диссертанту в вину пренебрежение текстами самих Рерихов и философским учением Живой Этики. Так это и есть комплексный

подход – при анализе деятельности Рерихов не строить предположения и не подвергать на каждом шагу сомнению действия и свидетельства Николая Константиновича, а давать слово ему самому. «Отвечая на анкету “Харбинского Времени” (не для печати, а для истории), – например, пишет диссертант, – Рерих отрицал планы создания государства в Сибири. Это вполне понятно. Отказ обусловлен инстинктом социального самосохранения»¹⁷. Почему понятно? Откуда такая уверенность? Сам Рерих не на публику, а в частном письме свидетельствует: «...вполне возможно, что злоумышленники делают всевозможные гнусные подтасовки. Например – всюду, где имеется в виду сельско-хозяйственные кооперативы, злоумышленники могут сказать, что это было нечто политическое. Но Вы-то все знаете, что наши Культурные Общ[ества] и организации решительно ничего политического в себе не содержат»¹⁸.

Линник апеллирует к науке – в том числе и к ВАКу, и ко всем одобрявшим диссертацию Росова ученым советам, которые, по его мнению, стоят на позициях рациональности и позитивизма, в то время как МЦР он обвиняет в антинаучности и метафизичности. Поскольку Л.В. Шапошникова, опираясь на философию Живой Этики, труды Н.К. Рериха, пишет о метаисторических причинах эволюции человечества, ее работы, полагает Линник, не выдерживают критериев научности. Как быть тогда с работами Тейяра де Шардена, Л.Н. Гумилева, А.Дж. Тойнби и других не менее признанных философов истории, полагающих за историческими событиями некий сверхсмысл? Тогда и Н.К. Рерих оказывается вне науки и должен быть причислен к метафизикам в линниковской трактовке этого понятия. По сути, именно такое представление о творчестве Рериха Линник внушает общественности, распространяя его и на научно-культурную деятельность МЦР, где, по его мнению, «витает антинаучный дух»¹⁹.

Но прежде чем заявлять такое на весь мир, Линнику следовало бы оглянуться вокруг себя и признать, что гуманитарная наука, в том числе и история, уже давно вышла из жестких тисков позитивистской методологии, уже давно в ее недрах зреет новая парадигма, не противоречащая «метафизике» и «метаистории». Ему

¹³ Линник Ю.В. Вокруг Росова. С. 8.

¹⁴ Линник Ю.В. Альманах Эвтерпа. Петрозаводск, 2009. С. 3.

¹⁵ Линник Ю.В. Вокруг Росова. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Росов В.А. Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы). С. 309.

¹⁸ Рерих Н.К. Письмо к З.Г. Лихтман от 27 сентября 1936 года / ОР МЦР. Вр. №2505.

¹⁹ Линник Ю.В. Вокруг Росова. С. 12.

полезно было бы ознакомиться с материалами международных научно-общественных конференций, которых в МЦР было проведено уже более семнадцати. Скорее всего, Линник не потрудился заглянуть в эти сборники, содержание которых на высоком научном уровне раскрывает многоплановую исследовательскую деятельность МЦР и сотрудничающих с ним специалистов различных научных направлений. В МЦР уже давно сформировалась школа научного рериховедения, основой которой является философия Живой Этики и в первую очередь новая теория познания, введенная в научный оборот Л.В. Шапошниковой.

Связанные с наследием Рерихов научные исследования легли в основу Объединенного научного центра проблем космического мышления (ОНЦ КМ), в котором работают и с которым сотрудничают философы и историки, физики и химики, географы и педагоги, психологи и лингвисты, представители многих других областей знания. Если бы МЦР был антинаучной и сектантской организацией, то совершенно точно с ним не стали бы сотрудничать такие выдающиеся ученые нашего времени, как академики Д.С. Лихачев, А.Л. Яншин, Е.М. Примаков, Е.П. Челышев, а председатель Комитета Госдумы по науке и инновационным технологиям, член Президума РАН академик В.А. Черешнев едва ли согласился бы возглавить ученый совет ОНЦ КМ.

Обвиняя МЦР в антинаучности, Линник обнаруживает либо незнание, либо непонимание трудов Рерихов и работ Л.В. Шапошниковой. Его попытка объяснить мотивы, движущие Л.В. Шапошниковой в ее непримиримой борьбе против фальсификации истории, увенчалась неожиданным «откровением», – по мнению Линника, ру-

ководитель МЦР просто завидует научным успехам новоиспеченного доктора!

Критерии «научности», как их представляет Линник в традиционном, то есть эмпирическом, смысле, вообще не применимы для оценки идей Рерихов, а также философских разработок Л.В. Шапошниковой, ибо пространство их творчества другое – это пространство космической реальности и новой, одухотворенной науки, о которой пишет Е.И. Рерих в своем труде «У порога Нового Мира» и в книгах Живой Этики и которую развивает и применяет в своих работах Л.В. Шапошникова. Эта наука опирается на новую теорию познания, объединяющую возможности эмпирических методов и методов метафизических или духовных. Именно объединение, синтез этих методов выводит изучение истории на качественно новый уровень. Новая теория познания помогает правильно понимать и плодотворно разрабатывать концепции метаистории.

Л.В. Шапошникова и В.А. Росов, которого Линник пытается поставить с ней на один научный и нравственный уровень, работают в несоизмеримых системах координат. Писания Росова о Рерихах носят псевдонаучный характер, так как не опираются на факты, не соотносятся с их мировоззренческим пространством и духовным контекстом их практической деятельности и представляют собой плод измышлений автора диссертации. Творчество Л.В. Шапошниковой осуществляется в беспредельном пространстве новой науки – философии космической реальности, мировоззренческие и методологические возможности которой неисчерпаемы. Это позволяет Людмиле Васильевне вести плодотворные исследования наследия Н.К. Рериха и правдиво, убедительно рассказывать об их результатах.

P.S. Не так давно эта тема получила продолжение в интернет-пространстве – там появился ответ Ю.В. Линника на заявление Белорусского отделения МЦР по поводу книги «Вокруг Росова». Здесь он довел свои мысли до логического завершения – по его мнению, Международный Центр-Музей имени Н.К. Рериха должен стать государственным (ради этой цели и с этим условием Линник даже готов пожертвовать свою коллекцию работ «Амаравеллы», за целостность которой он почему-то вдруг стал опасаться). Красивый жест! Неужели Линник не отдает себе отчет, что не только такой «дар с оговоркой», но и любые другие посулы или угрозы – не повод для того, чтобы нарушать волю С.Н. Рериха и превращать общественную организацию в государственную. «Будущее МЦР вызывает тревогу у всех его настоящих друзей», – пишет Линник, причисляя себя к таковым. Как говорится, избави нас Бог от таких друзей, а с врагами мы справимся.

Кто в усадьбе живет?

Прошлое и настоящее дворянских гнезд России

В культурной среде, когда речь заходит о разрушении памятников архитектуры, принято употреблять слово *руинирование*. Пожалуй, по смыслу оно даже страшнее, чем разрушение. Ведь разрушение может быть легким, частичным, а руины – это окончательно и необратимо.

В Подмосковье сотни бывших дворянских усадеб признаны объектами культурного наследия. Но процесс руинирования идет в них полным ходом. Величественная архитектура, живописные пейзажи, бесконечные аллеи с уходящими в небо липами и дубами, заросшие ряской пруды с кокетливыми башенками беседок и связанные с усадьбами громкие имена – казалось бы, что еще нуж-

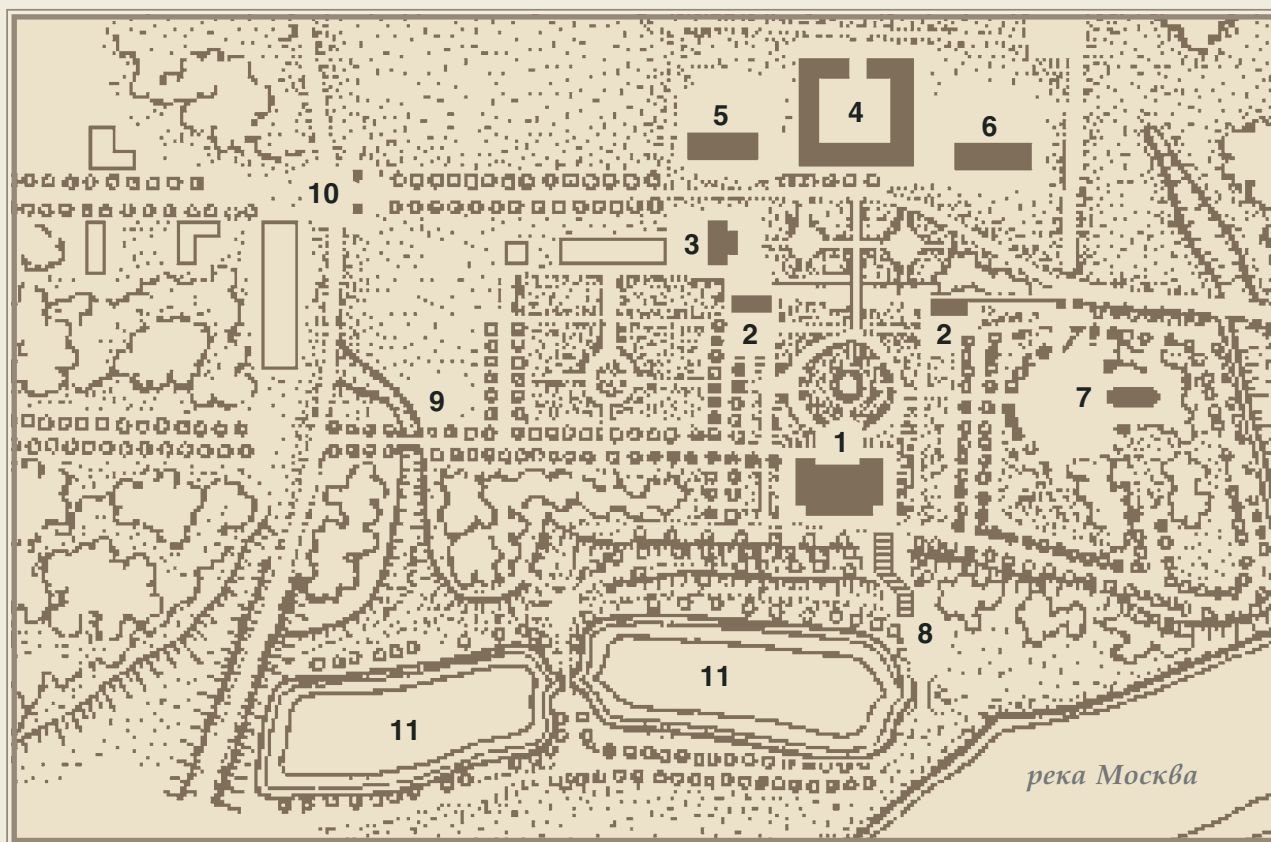
но, чтобы превратить эти благодатные места в музеи под открытым небом? Вместо этого памятники истории и культуры стоят, доступные дождям и ветрам. Где-то, как в подмосковном Гребневе, что под Фрязино, уже прошелся по остаткам былой роскоши пожар, не оставив и следа от мраморной лестницы и некогда уникальной лепнины. Нет больше барского дома – остался лишь храм, вовремя возвращенный церкви, и изрядно испорченный аборигенами пруд. Где-то, как в Алмазове Щелковского района Подмосковья, поселился детский дом для социальных сирот, исписавших стены нецензурными словами, где-то появились таинственные новые хозяева, якобы готовые воссоздать прежнюю обстановку... Но, увы, далеко не все сдерживают обещания. Хотя есть и такие, кто старается сдержать.

В кругах историков и искусствоведов принято говорить о русской усадьбе как о национальном феномене. Это не просто дворцово-парковый ансамбль, замечательный сам по себе. На протяжении трех веков в усадьбах формировалась русская культура. Люди с детства росли в обстановке этой гармонии и красоты и, вырастая, создавали шедевры поэзии, музыки, живописи – то, что становилось нашей классикой и формировало национальный характер. Если мир русской усадьбы бесследно исчезнет, многое в нашей истории и культуре станет менее понятным. И загадочная русская душа окончательно превратится в потемки не только для иностранцев, но и для нас самих.

В нашей стране принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», разрешивший приватизацию исторических и культурных памятников. Ограничение наложено только на особо ценные и включенные в перечень ЮНЕСКО объекты. Теперь каждый желающий бизнесмен может стать собственником настоящего дворянского гнезда – только плати. В ближайшее время государство выставит на продажу сотни старинных русских усадеб, ранее считавшихся неприкосновенными.

Руины усадьбы в Гребневе. Подмосковье

Реконструкция плана усадьбы Петровское (Дурнево): 1. Усадебный дом. 2. Флигели. 3. Жилой флигель. 4. Конный двор. 5. Фуражный сарай. 6. «Людская». 7. Церковь. 8. Малый мост. 9. Большой мост. 10. Обелиски. 11. Пруды в парке

Петрово-Дальнее открывается за крутым поворотом Ильинского шоссе. Дорога, поплывав вдоль корабельных сосен и просвечивающей сквозь них Москва-реки, резко ныряет под горку, а потом поднимается вверх. Здесь, на живописном, как будто специально выбранном для деревенского пейзажа холме, стоит бревенчатая Успенская церковь с маковками-куполами – уменьшенная копия взорванного в 1938 году храма XVII века. Настоятель отец Антоний недавно открыл здесь воскресную школу. А по будним дням с утра и до заката здесь работают таджики-гастарбайтеры – таскают на тележках гальку, выкладывают ею дорожки, месят раствор. На шее одного из них вижу цепочку с мусульманским полумесяцем. Интересно: не мешает ли его явно не христианская вера работать на дело восстановления православного храма? «Все одно – дело хорошее, – улыбается Асламбек. – Божье дело. А Бог один». И в его карих с хитрецей глазах читается: к тому же дело оплачивается, и не так уж важно, кем...

Петровское, в старину носившее неблагозвучное название Дурнево, расположенное при впадении Истры в Москву-реку, впервые упоминается в 1504 году в духовной грамоте Ивана III. Имение сменило немало владельцев, прежде чем досталось князьям Прозоровским. В 1670 году

вотчина перешла к Петру Ивановичу, будущему сподвижнику молодого Петра. П.И. Прозоровский занимал должность государственного казначея, пользовался неограниченным доверием государя, и в виде исключения ему было дозволено не брить бороды и носить русское платье. Несмотря на высокий государственный пост, князь вел тихую и размеренную жизнь, очень любил свое подмосковное имение.

Он переименовал село в более приятное для слуха Петровское, а в 1684 году заложил в усадьбе каменную церковь Успения (Тихвинскую) – редкий памятник русского зодчества, храм башенного типа «иже под колоколы». В 1688 году ее освятил патриарх Иоаким, на церемонии присутствовали царевна Софья и царь Иван, брат и соправитель Петра I. Говорят, имение не один раз посещал и сам Петр, и огромный, разлапистый бук неподалеку от центрального въезда в усадьбу посадил, согласно легенде, сам молодой монарх.

Именно под этим буком, гласит предание, начинается подземный ход, ведущий из имения к церкви. Просторное подземелье якобы скрывает несметные сокровища, но найти их сможет только тот, кто напрочь лишен корысти. Не удивительно, что в разные годы немало кладоискателей поломали здесь свои лопаты, но так ничего и не нашли.

Здесь когда-то был фонтан...

А уникальная церковь, простояв 250 лет, была в 1930-е годы варварски уничтожена. Храм предполагалось разобрать «на кирпичи», необходимые для сооружения хозяйственных построек, – однако раствор, замешанный на яйцах и твороге, был очень крепким, и кирпичи крошились, но не отделялись. В полуразрушенном виде собор простоял до 1950-х годов, когда его снесли окончательно.

Старшая дочь И.П. Прозоровского Анна была замужем за князем И.А. Голицыным. К Голицыным и перешла Петровская усадьба в 1720 году, после смерти старого князя, и оставалась в их владении вплоть до 1917 года.

На протяжении полутора столетий в усадьбе создавался обширный ансамбль жилых и хозяйственных построек, в основном сохранившийся до нашего времени. В 1760-х годах возведен величественный Готический дворец. «Это здание имело четыре башенки, галерею во всю длину главного фасада, – гласят исторические документы. – Вокруг замка расстилался громадный красивый лес, окаймлявший равнину и спускавшийся, постепенно суживаясь, к слиянию Истры и Москвы». Две башенки с круглыми окнами-иллюминаторами сохранились. Как замок Синей Бороды, они выглядят из зелени лиственниц и кажутся сошедшими с обложки детской сказки. В 1803–1807 годах главный дом был перестроен в модном тогда стиле зрелого классицизма. На нижней террасе парка был устроен потрясающий воображение ряд каскадных прудов с гротами, пещерами и лугами вплоть до самой Москвы-реки. Здесь были и прекрасные купальни, что послужило одной из причин, по которой на территории парка,

прямо возле устья Истры, была построена дача Никиты Хрущева.

В 1918 году во дворце усадьбы была организована детская колония, а затем с 1923 по 1930 год – дом отдыха. В 1919 году хозяйственные постройки и зимний дом имения были переданы Московскому бактериологическому институту имени И.И. Мечникова, и здесь организовали производственную базу института – сывороточное отделение. В 1930 году с ростом производства институту переданы все остальные постройки усадьбы. В 1958–1962 годах в Петрово-Дальнем строится новый производственный комплекс со специализированными лабораторными корпусами, современными иммуноклиниками. Бывшее сывороточное отделение превратилось в крупное предприятие союзного значения, в 1988 году получило полную самостоятельность и новое название – предприятие «Биомед» имени И.И. Мечникова. В самой же усадьбе в 1960-х годах после вывода из ее помещений производственных лабораторий предприятия института были проведены реставрационные работы и организован пансионат Минздрава СССР.

Найти усадьбу сегодня непросто – центральный вход заперт на амбарный замок. Да и со стороны шоссе ничего, кроме забора, не видно: многовековые вязы и буки загораживают все постройки. Пришлось идти со стороны церкви через высокие, почти по пояс, заросли репейника и крапивы. Белокаменная с колоннами и фонтаном усадьба открылась неожиданно, как вдруг возникшая птица Феникс на фоне подмосковных ворон.

Имение Петровское производит странное, сюрреалистическое впечатление. Главный дом

На портике виден родовой герб князей Прозоровских

(некоторые исследователи склонны считать его творением самого Джакомо Кваренги) фасадом выходит в совершенно заросший парк, украшенный портиком с колоннами коринфского ордера. Дверь в главный дом заперта, но кажется, приложи чуть больше силы – и замок слетит, как картонный. Через помутневшие окна просматриваются признаки былого великолепия – раритетный немецкий рояль, резной абажур, тяжелая с лепниной люстра и старинная изразцовая печь. Облезлые стулья с резными спинками будто приготовлены для Остапа Бендера – именно в таких должны быть спрятаны бриллианты. Форточки гостеприимно распахнуты – влезть в дом при желании может каждый. В какой-то момент кажется, что занавески на окнах второго этажа шевелятся. В доме явно кто-то есть.

О «гостях», обитающих в усадьбе, бродят противоречивые слухи. Молва гласит, что здесь расположилось ведомство по учету наркотиков – Наркоконтроль Московской области, и непрошенных гостей встречает охрана с овчарками. Однако в действительности никто, кроме двух безродных бобиков, умильно виляющих хвостами в ожидании бесплатного угощения, нас тут не встретил. Информацию о Наркоконтроле подтвердить не удалось.

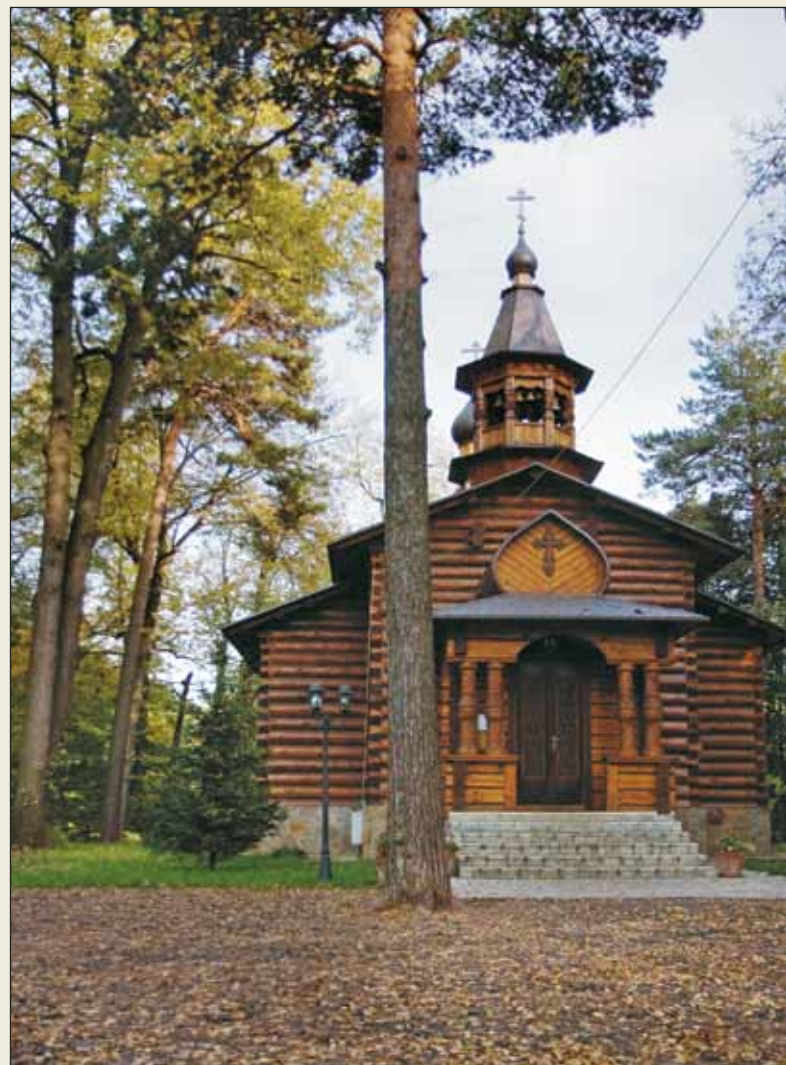
Другая версия – в доме и прилегающем парке водятся привидения. Странные бесплотные фигуры, маячащие над обрывом и пролетающие над парком, часто видят местные жители. Из-за опасности встретиться с духом какого-нибудь почившего князя сюда не принято ходить даже днем, а уж

ночью ужасов не оберешься. Местные жители шепотом рассказывают: один рыбак, отправившийся через усадебный парк ловить рыбу, за одну ночь поседел и тронулся умом. Так и отвезли его на казенной машине в область, в психбольницу. Не вернулся бедолага: «Видно, залечили»... Наверное, именно привидения и охраняют усадьбу от окончательного разорения и разрушения.

Правда, все постройки венчают таблички, гласящие, что усадьба является памятником архитектуры областного значения и охраняется государством. Однако организация, осуществляющая эту «охрану», – Исполком Мособлсовета – канула в Лету вместе с самим государством – СССР. Так что спасибо привидениям.

Наиболее убедительно выглядит другая версия – усадьба выкуплена некоей коммерческой структурой, которая намерена в ближайшие годы ее отреставрировать.

Оказывается, такое вполне возможно. Согласно Федеральному закону «Об объектах культурного

Успенская церковь – уменьшенная копия взорванного в 1938 г. храма XVII в.

наследия...» в ближайшее время государство выставит на продажу сотни старинных русских усадеб.

Состоятельных людей в первую очередь могут заинтересовать загородные усадьбы. Во-первых, каждая из них уникальна и неповторима. Во-вторых, это не просто дом, пусть и очень красивый. Это еще и парк с прекрасными аллеями, вековыми деревьями, пруды и озера. В строительстве усадеб принимали участие крупные зодчие русского классицизма. В 1990-е годы стать владельцами усадеб из-за их историко-культурного статуса можно было только полулегально. Зато теперь, после принятия закона, частные лица и организации могут совершенно законно приобретать памятники в частную собственность. Конечно, Останкино или Кусково навсегда останутся в государственной собственности. Но менее известные усадьбы можно будет купить.

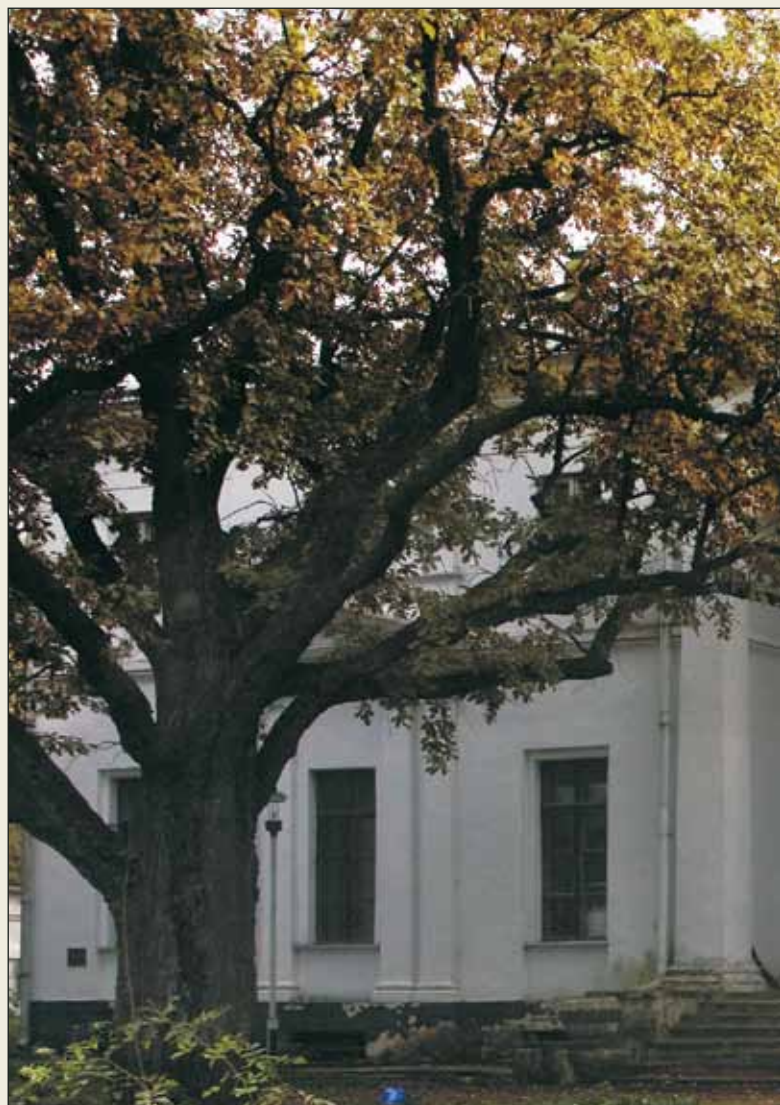
«Объекты, которые могут быть сданы в аренду или даже приватизированы, как правило, представляют собой классическую русскую усадьбу с главным домом, несколькими флигелями и хозяйственными постройками, – пояснили в Роскомимуществе. – Все это размещается в среднем на 10–20 га. В законе предусмотрена очень важная позиция: территории, прилегающие к памятникам, теперь входят в их состав. Сегодня в России насчитывается около 10 тыс. усадеб. В Московской области – 652. Конечно, потенциальных владельцев прежде всего интересуют те усадьбы, где сохранились главные дома. Таких объектов, например, в Московской области – 190. К их числу относятся и Петрово-Дальнее».

По уровню культурно-исторической значимости усадьбы разделяются на три большие категории: федеральные, региональные и муниципальные памятники. Что касается усадеб, находящихся в ведении муниципальных властей, то значительных построек и парковых комплексов среди них нет. Самые интересные для потенциального покупателя – федеральные и региональные. Именно среди них подавляющее количество архитектурных комплексов с сохранившимися главными домами.

Схема приобретения дворянского гнезда не слишком сложна. Будущий владелец усадьбы заключает с органом, надзирающим за сохранностью памятника, арендный или приватизационный договор, в котором должны быть прописаны последовательность и приблизительные сроки этапов реконструкции. Если сохранилось аутентичное внутреннее и внешнее убранство дома, владельцу придется отреставрировать его в виде, наиболее

близком к оригиналу. Однако в том случае, если на месте главного дома остался только фундамент или незначительная часть кладки, допустима полная реконструкция – фактически создание нового дома в традициях отшумевшей эпохи.

Помимо арендного договора, государство заключает с арендатором охранный договор. Административная ответственность за недобросовестное отношение к памятнику варьируется между небольшим штрафом и изъятием памятника и продажей его с торгов. Так, известный предприниматель Брынцалов, взяв в аренду усадебный комплекс XVIII века Николо-Урюпино (кстати, находящийся неподалеку от Петрово-Дальнего), обязался провести полную реставрацию зданий и реконструкцию парка. После очередной инспекции, когда потрясенные специалисты обнаружили в «Белом охотничьем домике» следы пожара, уничтожившего часть оригинального декора, начался долгий и мучительный судебный процесс. В итоге незадачливый владелец лишился усадебного комплекса. Правда, на памяти специалистов это

Главный дом усадьбы ▶

пока что единственный случай отторжения памятника обратно в государственную собственность.

В какую сумму обойдется владельцу покупка, реставрация и обслуживание усадьбы, сказать наверняка сложно. Известна лишь нижняя граница – два-три миллиона долларов. На деле столько стоит полуразрушенное имение с ветхими постройками и запущенным парком. С учетом стоимости реконструкции реальная цена будет на порядок выше. Менее затратный способ поселиться в настоящей усадьбе – получить ее в аренду. Арендные ставки не очень велики и составляют в Подмосковье, по данным Управления по охране памятников Комитета по культуре правительства Московской области, 400 руб. за 1 кв. м в год. Многим состоятельным людям такое удовольствие по карману.

Основным покупателем родовых гнезд наверняка станет российская бизнес-элита. По словам Виссариона Алявдина, президента Фонда возрождения русской усадьбы, «у новой российской буржуазии только складываются представления о стиле жизни, о том, где и как нужно жить. Ей все

больше хочется иметь свою историю, свой дом в России». Российская элита во что бы то ни стало хочет «одворяниться», вселившись в родовые гнезда угасших аристократических фамилий.

Правда, пока что вселение происходит коллективно. Большинство собственников дворянских усадеб – крупные корпорации. Однако не за горами день, когда в полуразрушенные имения бывших князей и бояр начнут въезжать новые «хозяева жизни» – и неважно, происходят ли они из рода Рюриков, или безвестных батраков из-под Урюпинска. Ведь сейчас имеет значение не происхождение, а платежеспособность. Но главное, чтобы русские нувориши не оказались из числа лопахиных, для которых ничего не стоит вырубить вишневый сад. Сохранение культурного наследия страны должно стать необходимым условием владения тем или иным ее памятником. В противном случае, выставляя на продажу национальные сокровища, мы рискуем поплатиться большим, чем памятник архитектуры. Мы рискуем поплатиться историей Отечества.

